

Годъ V-й.

Апрѣля 15 1869 г.

СМОЛЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому
изданію 4 руб.
50 коп. съ пе-
ресылкою.

№ 8-й

Выходятъ 1-го
и 15 числа
каждаго мѣся-
ца.

Содержаніе официального отдѣла.—1) Указы св. Синода: а) о назначеніи епископа на смоленскую кафедру. б) о мѣстѣ, которое долженъ занимать ректоръ семинаріи. в) Объ учебникѣхъ по латинскому языку.—2) Епархіальныя извѣстія.—Неофициального отдѣла:—1) Бесѣды Преосвященнѣйшаго Іоанна. 2) Возрасты человеческой жизни. 3) Некрологъ.

О т д ѣ л ь о ф ф и ц и а л ь н ы й .

I.

УКАЗЫ СВ. СУНОДА.

Отъ 7 апрѣля 1869 г. *О назначеніи Преосвященнаго Серафима, Епископа Старорусскаго, на Смоленскую Кафедру.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: ВЫСОЧАЙШЕ утвержденный ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ въ 4-й день сего Апрѣля всеподданнѣйшій докладъ Синода, о бытіи Епископу Старорусскому Серафиму, Викарію Новгородской Епархіи, Епископомъ Смоленскимъ и Дорогобужскимъ. Приказали: ВЫСОЧАЙШЕЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣніе о бытіи Епископомъ Смоленскимъ и

1078201

Дорогобужскимъ Преосвященному Серафиму, Викарію Новгородской Епархіи, объявить указами во 1-хъ, Самому Преосвященному Епископу Серафиму, во 2., Преосвященному Исидору Митрополиту Новгородскому и С.—Петербургскому и въ 3.-хъ, Смоленской Духовной Консистеріи съ предписаніемъ, дабы она, увѣдомивъ о новоопредѣленномъ Епископѣ мѣстныхъ гражданскія начальства, предписала всѣмъ Епархіальнымъ духовнымъ мѣстамъ и лицамъ о возглашеніи имени Преосвященнаго Серафима во всѣхъ монастыряхъ и церквахъ при священно служеніи, по чиноположенію, и какъ сама Консистерія, такъ и всѣ той Епархіи духовнаго и мірскаго званія люди по дѣламъ духовнымъ были ему, Преосвященному, какъ пастырю своему, на основаніи Духовнаго Регламента и указовъ Святѣйшаго Синода, послушны и подесудны.

Отъ 22 января 1869 г. *По вопросу о мѣстѣ, которое долженъ занимать Ректоръ Семинаріи изъ Протоіереевъ во время соборныхъ священнослуженій.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ, по поводу возбужденнаго однимъ изъ Епархіальныхъ Преосвященныхъ вопроса о томъ, какое мѣсто долженъ занимать Ректоръ Семинаріи изъ Протоіереевъ во время соборныхъ священнослуженій,—Приказали: Дать знать Преосвященнымъ Архіереямъ циркулярнымъ указомъ, для свѣдѣнія и надлежащаго въ потребныхъ случаяхъ руководства, что Ректоры Семинарій изъ Протоіереевъ, по важности занимаемой должности, должны, при священнослу-

женіяхъ, занимать мѣста непосредственно за кафедральными Протоіереями, а въ тѣхъ случаяхъ, когда кафедральный Протоіерей будетъ моложе Ректора Семинаріи изъ Протоіереевъ по заслугамъ своимъ, послѣдній долженъ занимать мѣсто высшее противъ кафедральнаго Протоіерея.

УЧЕБНИКЪ

Отъ 25 января 1869 г. *Объ учебникъ по латинскому языку.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святейшій Правительствующій Синодъ слушали предложенные Господиномъ Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 20 Октября 1868 года за № № 219 и 221, журналы Учебнаго Комитета: 1) объ учебномъ руководствѣ для упражненія воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній въ переводахъ съ Русскаго языка на Латинскій и 2) о Латинскихъ словаряхъ для употребленія въ сихъ заведеніяхъ. Приказали: Мнѣнія Учебнаго Комитета объ учебномъ руководствѣ для упражненія воспитанниковъ духовныхъ Семинарій и училищъ въ переводахъ съ Русскаго языка на Латинскій и о Латинскихъ словаряхъ для этихъ заведеній разослать, въ извлеченіи изъ журналовъ Комитета, при указахъ къ Епархіальнымъ Преосвященнымъ, для свѣдѣнія ихъ, Преосвященныхъ, и для передачи, къ надлежащему руководству и исполненію, въ Семинарскія и Училищныя Правленія, съ присовокупленіемъ въ указахъ, что означенныхъ руководства и словарей и о порядкѣ, какимъ они должны быть выписываемы, Правленія Семинарій и

Училищъ будутъ поставлены въ извѣстность особо отъ сего
Хозяйственнымъ Управленіемъ. Января 25 дня 1869 года.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ

изъ журналовъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ:
отъ 18-го Октября 1868 года, за № № 146 и 148.

1. Въ изданномъ въ 1869 году въ Москвѣ «*Руководствъ къ переводамъ съ Русскаго языка на Латинскій*», составленномъ преимущественно по Тишеру и Зейферту *Яковомъ Смирновымъ*, примѣры для упражненій въ переводахъ выбраны очень удачно и размѣщены съ строгимъ соблюденіемъ педагогической постепенности. Нужныя для перевода фразы и слова сгруппированы въ концѣ книги для каждой статьи отдѣльно, при чемъ самостоятельности учениковъ предоставлено достаточно пространства. Такое размѣщеніе лингвистическаго матеріала, съ одной стороны устраняетъ для учениковъ потерю времени на приисканіе вокабуль, съ другой, при отсутствіи готовой фразеологіи, заставляетъ размышлять надъ конструкціей и такимъ образомъ приучаетъ учащихся къ труду болѣе или менѣе самостоятельному. Наконецъ, для уясненія разныхъ синтаксическихъ правилъ, авторъ постоянно дѣлаетъ указанія на изданную имъ въ 1862 году латинскую грамматику. Все это дѣлаетъ замѣчательный трудъ г. Смирнова лучшимъ изъ существующихъ у насъ руководствъ къ переводамъ съ Русскаго языка на Латинскій. Почему Учебный Комитетъ и полагаетъ

означенную книгу г. Смирнова ввести въ употребленіе въ духовныхъ Семинаріяхъ и училищахъ.

II. Изъ всѣхъ изданныхъ у насъ Латинско-Русскихъ словарей самымъ пригоднымъ для духовныхъ училищъ и Семинарій должно считать: «*Сокращенный Латинскій словарь Ананьева, Ясницкаго и Лебединскаго*», появившійся въ Москвѣ въ 1862 году. Этотъ лексиконъ вполне приспособленъ къ потребностямъ среднихъ учебныхъ заведеній, заключаая въ себѣ слова и выраженія, встрѣчаемыя въ произведеніяхъ авторовъ, такъ называемыхъ, «золотаго и серебрянаго вѣка.» Для употребленія книги въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ удержаны слова, встрѣчающіяся у отцовъ Западной Церкви или, такъ называемыхъ, «церковныхъ писателей.» Это самое дѣлаетъ употребленіе означеннаго словаря возможнымъ и въ тѣхъ классахъ Семинарій, гдѣ ученики приступаютъ къ чтенію образцовъ, принадлежащихъ послѣднимъ періодамъ Латинской рѣчи. А по сему Учебный Комитетъ и полагаетъ рекомендовать означенный словарь для Семинарій и духовныхъ училищъ въ качествѣ учебнаго руководства; для приобрѣтенія же Семинаріями въ качествѣ учебнаго пособія рекомендовать «*Русско-Латинскій словарь Ивашковскаго*», изданный въ 1849-53 г. въ С. Петербургѣ Эйнерлингомъ..

II.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

26 Марта Скончался села Дровниа, Гжатскаго уѣзда,

священникъ Павелъ Скворцовъ, состоявшій тамъ на штатной діаконской вакансіи.

7 апрѣля умеръ Приходо-расходчикъ Смоленской Духовной Консисторіи, коллежскій Секретарь Степанъ Алексѣевичъ Срединскій, на 65-мъ году жизни. — Къ исправленію должности приходо-расходчика Консисторіею допущень Канцелярскій служитель Консисторіи Дмитрій Ивановичъ Афонскій.

Печатать дозволено цензурою. Смоленскъ, 10 Апрѣля 1869 г.
въ типографіи А. Н. Переплетчикова.

БЕСѢДА (*)
ВЪ ДЕНЬ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ.

На переходѣ отъ весны къ лѣту, когда природа послѣ весенняго пробужденія, въ нынѣшнемъ году поздняго и холоднаго, облачается наконецъ во всю свою разноцвѣтную красоту и вызываетъ человѣка въ поле, на добрые труды, на чистыя наслажденія, мы, съ цвѣтами въ рукахъ, празднуемъ величайшее событіе Христіанства: начало обновленія духовной жизни человѣчества, свыше ниспосланное благодатною силою Святаго Духа. Есть ли какая нибудь внутренняя связь между этими двумя событіями міра физическаго и нравственнаго?

Знаете ли напримѣръ вы, братія моя, что эта прекрасная природа, которая сегодня дала вамъ свои цвѣты на молитву, которая и всегда даетъ человѣку столько благъ жизни, знаете ли, говорю, что она тоскуетъ и вздыхаетъ? Не подумайте, что это моя фантазія или поэзія. Это не мои мысли и слова, а Божіи. Слово Божіе открываетъ намъ, что природа со всѣми тварями воздыхаетъ и болѣзнуетъ. О чемъ? О своемъ настоящемъ состояніи, въ которое привелъ ее человѣкъ, паложивъ на нее иго неволи, поработивъ ее своей суетѣ, тоскуетъ, нетерпѣливо ожидая своего освобожденія; и освобожденіе ея можетъ послѣдовать не иначе и не прежде, какъ самъ человѣкъ, исполнѣ обновленный духомъ и нравственною жизнью въ лонѣ истиннаго Христіанства, приобрѣтетъ духовную свободу, которой теперь не имѣетъ, проводитъ жизнь въ суетѣ, въ страстяхъ, во злѣ, въ стѣсненіи своего безсмертнаго духа искусственными

(*) Пресвященнѣйшаго Іоанна, бывшаго Епископа Смоленскаго и Дорогобужскаго, произнесеннаго 1868 г. 4 іюня.

условіями неправильной жизни. И вотъ нынѣ, какъ дары Святаго Духа ниспосланы свыше міру въ залогъ возрожденія и обновленія человѣческаго духа, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ положенъ и залогъ освобожденія природы.

Такимъ образомъ идея настоящаго торжества Церкви имѣетъ отношеніе не къ одному нравственному міру, но и къ физическому. Какъ глубоко, какъ широко и всеобъемлюще христіанство!

Я останавливаюсь теперь мыслью на физической природѣ, потому что всѣ теперь спѣшатъ въ объятія природы наслаждаться ея красотами и пользоваться ея благами.

Но едва-ли въ какомъ нибудь другомъ отношеніи человѣкъ такъ мало справедливъ, какъ въ отношеніи къ физической природѣ. Да, много зла дѣлаетъ ей человѣкъ разумомъ и силою воли: онъ покорилъ себѣ всѣ царства природы, и какъ она прекрасна, роскошна, плодovита, неистощима тамъ, гдѣ человѣкъ прилагаетъ къ ней свой разумный трудъ, добрую волю, а также и доброе сердце! Но много ли такихъ мѣстъ? А что показываютъ обширныя, бесплодныя поля, непроходимыя чащи, луга, покрытые дурною травой, болота, и тому подобныя виды тамъ, гдѣ имъ быть не слѣдуетъ? Здѣсь неразуміе и лѣнь человѣка пренебрегаютъ жизнью и силами природы и оставляютъ ее поневолѣ жить не такъ, какъ она жить могла бы. А страшное злоупотребленіе дарами природы, когда человѣкъ насилуетъ ее своимъ неестественнымъ обращеніемъ съ нею, искажаетъ искусственнымъ образомъ ея натуральный видъ и ростъ, портитъ ея плоды по своему испорченному вкусу? А эта злонравная и зловредная привычка безразчетливо или по однимъ грубымъ своекорыстнымъ расчетамъ истреблять самыя лучшія произведенія природы, опустошать самыя рос-

кошныя ея помѣстья? А страдальческое служеніе челоѣку животныхъ подъ удюю и бичемъ, подъ невыносимыми тяжестями, въ холодѣ и голодѣ, подъ ножемъ и пулями, страсть нещадно губить живыхъ тварей для одного своего развлеченія или просто для однихъ своихъ дикихъ нравовъ, не говоря уже о ненасытной, всепоглощающей утробѣ челоѣка; и сколько жизней погубить онъ такимъ образомъ совершенно напрасно? Куда идутъ и тѣ драгоценныя сокровища природы, которыя челоѣкъ съ величайшимъ трудомъ для самаго себя выкапываетъ изъ глубочайшихъ нѣдръ природы?—Идутъ на украшеніе суеты, на забавы праздности, на пищу страстямъ. Куда пошли и тѣ дивныя, могучія силы природы, которыя въ послѣднее время открыла въ природѣ наука? Страшно подумать; пошли на порчу лучшихъ идей и убѣжденій челоѣка, пошли на порожденіе лживыхъ идей и превратныхъ стремленій, пошли наконецъ не только на нравственное, но и физическое погубленіе челоѣчества; современный челоѣкъ вынесъ изъ нихъ способности неуголимаго и нещаднаго истребленія своего челоѣческаго рода. И вотъ, въ цѣлыхъ областяхъ физическаго міра, гдѣ долженъ бы господствовать просвѣщенный разумъ, нравственная воля, и благоразвитое сердце челоѣка, царить дикій произволъ, грубый нравъ, безумная страсть, слѣпой разумъ и жестокое сердце; челоѣкъ, царь природы, дѣлается ея мучителемъ, челоѣкъ, жрецъ природы передъ Богомъ, становится только ея пожирателемъ, задумавшимъ наконецъ въ своемъ омраченномъ просвѣщеніи изгнать изъ природы самую идею Бога; они—челоѣкъ и природа дѣлаются врагами между собою и вмѣсто нравственнаго единства жизни между ними идетъ борьба ожесточенная.

Вдыхаетъ и болѣзнуетъ природа подъ этимъ страшнымъ

тигомъ человѣка. Слышите ли вы болѣзненныя воздыханія природы? Онѣ слышатся въ тѣхъ уклоненіяхъ отъ естественнаго порядка, въ которыхъ природа какъ будто сказывается больною, чтобъ только не служить человѣку, отворачивается отъ него, когда онъ наиболѣе имѣетъ въ ней нужду, какъ на примѣръ вотъ весною вдругъ наступаетъ холодъ; слышится въ тѣхъ мрачныхъ думахъ и тягостныхъ вопросахъ, которыхъ природа не высказываетъ сынамъ вѣка, не любящимъ и не понимающимъ ее, но которые она задаетъ, о какъ задаетъ—духовному созерцателю—Богослову, глубокому мыслителю—философу, живущему среди нея—труженику земли, и еще—душѣ чистой, любящей ее и умѣющей сочувствовать и бесѣдовать съ нею; ея болѣзненное раздраженіе въ тѣхъ зловредныхъ ея произведеніяхъ, ваковы: тернія, плевелы, яды, заразы и проч., которыя почти непрерывно и такъ усиленно распространяются около человѣка, гдѣ только человѣкъ не спѣшитъ принять своихъ мѣръ противъ нихъ; слышится ея воздыханіе въ стоны и ревѣ животныхъ, неохотно идущихъ на службу человѣка, постоянно вызывающихъ его на борьбу, въ страшномъ воѣ стихій и звѣрей, съ яростью нападающихъ на человѣка какъ будто требуя собственной его жизни въ искупленіе погубляемой имъ природы; и вообще уныло и угрюмо смотритъ природа на человѣка, если только человѣкъ насильственно искусственными способами не заставляетъ ее улыбаться ему, и самъ человѣкъ бѣжитъ отъ нея, какъ будто чувствуя въ своей душѣ ту самую тоску, какую возбуждаетъ въ природѣ, удаляется въ свои города и дома, и замыкается здѣсь въ собственномъ своемъ мѣрѣ искусственномъ, созданномъ его суетою, страстями, запутанными и перепутанными отношеніями общежитія. Правда, и здѣсь является къ услугамъ его природа съ своими со-

кровищами; но какая это природа? Природана живая, не натуральная, а измученная, бездушная, безжизненная, это смерть и трупъ природы.

Еще жалуетса чловѣкъ на природу, на скудость ея произведеній, на разстройство и губительное дѣйствіе стихій, на труды, какихъ она отъ него требуетъ. А забылъ приговоръ, который, какъ вѣчный громъ, гремитъ надъ головой и труженика въ полѣ и сластолюбца въ мірѣ: «проклята земля въ дѣлахъ твоихъ, въ печаляхъ ты будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей; она будетъ производить тебѣ тернія и ты долженъ въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ свой, пока возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ, такъ какъ ты земля, и въ землю долженъ возвратиться.» Слышите, отчего происходитъ безплодіе земли, отчего природа дѣлаетъ зло чловѣку, отчего всякій кусокъ хлѣба достается ему въ потѣ лица, отчего, не смотря на всѣ силы и средства природы къ доставленію чловѣку всевозможныхъ удовольствій, ему суждены только скорби и скорби. И такъ, чѣмъ мучить и убивать природу для своихъ забавъ, чѣмъ требовать отъ нея однихъ наслажденій жизни, чѣмъ жаловаться на разстройство и губительное дѣйствіе ея стихій, не лучше ли обратить вниманіе на самихъ себя, на свои дѣла, на ихъ нравственную связь съ жизнью природы?

Или есть счастливы въ мірѣ, которые могутъ наслаждаться всѣми благами жизни безъ трудовъ, и безъ скорбей, даже безъ добродѣтелей? Но если каждый разъ, когда мы видимъ бѣднаго земледѣльца за работою въ полѣ, представляется надъ его головой молнія, сверкающая словами: «въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой»; то при видѣ сластолюбца во всемъ блескѣ роскоши и въ нѣгѣ наслажденій, невольно слы-

шится надъ его головой громъ приговора: «земля еси, и въ землю отъидеши». Нѣтъ, никакое счастье міра, — что я говорю? — никакое просвѣщеніе и никакая цивилизація не измѣнятъ законовъ нравственнаго соотношенія между жизнью человѣка и природы. Только тогда, когда самъ человѣкъ освободится отъ своей суеты и зла, и соотвѣтственно тому природа освободится отъ невыносимой работы его суеты и зла, только тогда измѣнится къ лучшему и отношеніе природы къ человѣку.

Благодать искупленія даетъ надежду, что это наконецъ совершится, а сила духа Божія, дарованная нынѣ міру, содѣйствуетъ къ совершенію этого дѣла.

Теперь, въ эти дни оживленной работы природы и человѣка, я молю Бога, братія мои, за свою Смоленскую паству, небогатую ни силами природы, ни средствами человѣческими, да не будетъ она лишена этой вышней помощи, и особенно въ настоящій день сошествія Св. Духа въ міръ, простирающаго свое благодатное дѣйствіе столько же на міръ физическій, какъ и нравственный, я призываю благословеніе Божіе на Смоленскую природу, да будетъ она плодоносна, на труды земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ, да будутъ они благоуспѣшны; да услышатъ все они это благословеніе, и да услышать мою молитву Богъ!

БЕСѢДА (*)

ВЪ ДЕНЬ УСПЕНІЯ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Если названіе нынѣшняго праздника взять въ прямомъ,

(*) Его же. Произнесена 1867 г. 15 августа.

буквальномъ смыслѣ, то это будетъ торжественное воспоминаніе тихаго, мирнаго сна, въ которомъ Пресвятая Дѣва окончила свое земное поприще и перешла въ блаженную вѣчность. И такъ умереть для нѣкоторыхъ людей значитъ только спокойно заснуть. Вотъ истинное, совершенное безсмертіе!

А какова смерть другихъ и большей части людей? Какими ужасами она окружается, какое зрѣлище представляетъ живымъ?

Хотите ли вы, братія мои, вмѣстѣ со мною остановить взглядъ на послѣднихъ минутахъ человѣка въ здѣшней жизни? Мы видимъ кончину ближнихъ, мы сами умремъ; а понимаемъ ли, что въ часъ смерти происходитъ въ состояніи самого умирающаго? Чѣмъ сопровождается шагъ его въ вѣчность?

Въ каждую секунду умираетъ одинъ изъ людей, каждый ударъ часоваго маятника долженъ напоминать намъ, что въ эту секунду умеръ человѣкъ. Едва секундная стрѣлка на часахъ успѣваетъ объѣхать свой кругъ, какъ шестидесяти человѣкъ уже не стало въ мірѣ. И еслибы не признавать безсмертія души и вѣчности, то не справедливо ли было бы всю временную жизнь человѣка считать только непрерывною смертію, которая наконецъ, рано или поздно, перевѣсивъ силу рожденія, поглотила бы все человѣчество и всякую жизнь въ мірѣ. И было бы послѣднимъ словомъ человѣка на землѣ его самоотрицаніе. «Я жилъ и мыслить, я чувствовалъ и дѣйствовалъ; но все это ничто, потому что я умру и буду ничто.» Горькія слова, которыя придавали бы самый мрачный и безотрадный видъ всей нашей жизни! Такое самоотрицаніе ставило бы духовную нашу жизнь даже ниже тѣлесной, потому что и тѣло наше по смерти не уничтожается, а только разлагается и смѣшивается съ другими элементами земли. Но мы вѣримъ

въ безсмертіе и жизнь загробную: и съ точки этой вѣры, что такое вся жизнь наша временная, какъ не непрерывное, въ каждую секунду, откровеніе вѣчности? Не тотъ ли конецъ ожидаетъ весь міръ, что вѣчность поглотитъ нашу земную жизнь и самое время, уничтожить смерть и раскроется предъ чело-вѣчествомъ во всей своей полнотѣ и безпредѣльности? Такъ дѣйствительно и будетъ.

Вы видите, братія мои, что такимъ образомъ жизнь наша земная, не только въ цѣломъ продолженіи своемъ, но и каждую секунду получаетъ возвышенный, разумный и нравствен-ный смыслъ, и еще болѣе смыслъ глубоко-тайственный. Что же смерть, что значать всѣ ея ужасы? Не конецъ жизни самъ по себѣ страшень: не могъ ли бы челоувѣкъ привыкнуть къ мысли о такомъ неизбѣжномъ концѣ? Но то, что есть тутъ наиболѣе таинственнаго, что совершается во внутреннемъ со-стояніи умирающаго челоувѣка, вотъ что производитъ всѣ ужа-сы смерти. Что же это такое? Это именно самый переходъ челоувѣка, или точнѣе сказать перерожденіе его изъ жизни тѣ-лесной въ жизнь чисто духовную, изъ временной въ вѣчную.

Вотъ наступаетъ послѣдній часъ челоувѣка въ этомъ мірѣ. Болѣзнь, приблизившая его къ смерти, уже прекратилась; она подорвала основы тѣлеснаго организма и сдѣлала его уже не-способнымъ къ дальнѣйшей дѣятельности въ настоящемъ его видѣ, и тѣло уже не служитъ духу. Тогда жизнь души начи-наетъ отторгаться отъ частей и органовъ тѣла, къ которымъ была прирождена и въ которыхъ доселѣ дѣйствовала. Судо-рожныя движенія и необычныя сотрясенія всего организма показываютъ, какъ усиленно, какъ жестоко это отрѣшеніе души отъ тѣла, и чѣмъ крѣпче организмъ, чѣмъ сильнѣе была при-вязанность духа къ тѣлу, тѣмъ сильнѣе эти сотрясенія, по-

тому что тѣмъ болѣе силы нужно духу, чтобы оторваться отъ тѣла. Какъ страшно уже это одно зрѣлище. Но всмотритесь ближе, вы увидите, что тутъ не одни физическія страданія. Трепещетъ душа, чувствуя свое невольное, быстрое приближеніе къ вѣчности; въ трепетѣ она силится какъ будто остановиться на этомъ страшномъ пути; она порывается какъ бы уклониться отъ тѣхъ ужасовъ, какіе ее ожидаютъ, или овладѣть собою и этими самыми ужасами, чтобы спокойнѣе и смѣлѣе пройти. Но эти порывы, подавляемые болѣе и болѣе приближающеюся смертію, производятъ только то невыразимое возбужденіе и раздраженіе всѣхъ силъ и чувствъ души, которыя кладутъ еще болѣе страшную печать на лицо и на все состояніе умирающаго. Да, въ часъ смерти овладѣть собою и самимъ путемъ смертнымъ и всѣми его ужасами: какаѣ эта неизобразимая задача? И я не думаю, чтобы та отчаянная храбрость, которая, немного думая о жизни и смерти, а еще менѣе о вѣчности, смѣло несется на встрѣчу смерти, какъ напримѣръ въ битвѣ со врагомъ или въ самоубійствѣ, вѣрно рѣшала эту задачу. Эта храбрость слѣпа и потому такъ отважна только до момента самой смерти; а въ моментъ смерти душа прозрѣваетъ, и скажи мнѣ ты, смѣлая душа, будешь ли ты также смѣла предъ тѣмъ, что тогда увидишь?

Есть однакоже кончина безъ ужасовъ предсмертной борьбы: душа отходитъ мирно, конечно не безъ смущенія и тѣлесныхъ страданій. Это душа чистая, добрая, кроткая. Ясность, самосознаніе, чистота и тихость чувствъ, глубокая вѣра и преданность Богу, отличавшія ее при жизни, не оставляютъ ее и въ часъ смерти; она владѣетъ собою; внутренняя свѣтлость ея разсѣиваетъ передъ нею мракъ и страхъ смертнаго пути и, всецѣло вручая себя Богу, она съ тихою покорностью отдается послѣднимъ вол-

намъ житейскаго моря, прибывающимъ ее къ берегамъ вѣчности. А душа злая? Видѣли ли вы, какъ она отходитъ изъ здѣшняго міра? Видѣли ли тѣ невыразимые ужасы, какими сопровождается ея отшествіе? Она не знала въ жизни, не имѣетъ и въ часъ смерти ни самосознанія, ни самообладанія, ни покорности. Всѣ чувства ея волнуются: но эти чувства злы, и раздраженіе ихъ въ послѣднія минуты доходитъ до крайней степени. Ея зло, освобождаясь вмѣстѣ съ нею отъ послѣднихъ узъ, которыми еще сдерживалось сколько нибудь въ здѣшней жизни, со всею силою поднимается и, въ виду ужасовъ смерти, ожесточается до отчаянія. Душа хочетъ бороться съ этими ужасами; она какъ будто бы вызываетъ на бой самую смерть, и силою собственнаго зла хочетъ одолѣть ее; она усиливается овладѣть отлетающею жизнію, но въ то же время, чувствуя подъ собою разверзающуюся бездонную пропасть вѣчнаго зла, неодолимо увлекается въ нее силою сродныхъ стремленій своей злой природѣ. Въ борьбѣ съ жизнію и смертію, душа борется еще сама съ собою; она терзаетъ самое себя. Можно ли и какими словами выразить весь ужасъ этихъ минутъ? Одинъ вѣщій видъ этого зрѣлища заставляетъ живыхъ бѣжать отъ умирающихъ. *Такъ по истинѣ смерть грѣшниковъ юта.*

Какъ бы то не было смерть не отступаетъ, жизнь не возвращается и человекъ умираетъ; но еще въ то время, какъ въ низшихъ степеняхъ и силахъ душевной жизни, въ тѣхъ, которыми душа непосредственно привязана къ тѣлу, происходитъ эта ужасная предсмертная борьба, во внутреннѣйшей жизни духа, въ высшей сферѣ его духовнаго бытія совершается другое. Тамъ слабѣе узъ тѣла, поэтому духъ человека скорѣе и легче отрѣшается отъ условій временной жизни, и тогда какъ вни-

зу его долго еще длится борьба, онъ у себя вверху самъ собою освобождается и еще прежде рѣшительной смерти тѣла онъ уже витаетъ какъ будто внѣ тѣла. Такъ случается, что въ часть кончины, еще не совершившейся, человѣкъ или правильнѣе сказать, духъ его, въ земномъ образѣ, является въ отдаленіи отъ тѣла, близкимъ по сердцу людямъ. Но человѣку начинается уже открываться и вѣчность; онъ уже подходитъ къ рубежу ея. Онъ еще видитъ, хотя тускло и нераздѣльно, земные предметы, еще слышитъ, хотя и неразборчиво, здѣшніе звуки, еще ощущаетъ въ себѣ, хотя и смѣшенно, земныя чувства: но уже сказывается ему и другая жизнь. Онъ замѣчаетъ предметы и явленія, незримыя для другихъ, слышитъ необыкновенные звуки, прозрѣваетъ то, что намъ не можетъ быть извѣстно естественнымъ порядкомъ. Еще нѣсколько минутъ — и человѣкъ переступаетъ въ вѣчность. Какъ вдругъ измѣняется форма его бытія, духъ его видитъ самаго себя, свое собственное существо, какъ не видѣлъ его въ тѣлѣ, онъ видитъ предметы и самыя отдаленныя уже не тѣлесными глазами, а непосредственнымъ разумомъ, и то что прежде онъ могъ постигать только разумомъ, теперь онъ видитъ какъ бы глазами; онъ говоритъ не членораздѣльными звуками слова, а мыслию, и то что прежде онъ могъ представлять себѣ только въ мысляхъ, теперь уже выражаетъ какъ бы словомъ; не руками осязаетъ предметы, а ощущеніями и чувствами, и предметы самыя тонкія и прежде для него неуловимыя и неосязаемыя онъ теперь обнимаетъ въ ощущеніяхъ, какъ бы въ рукахъ; движется не ногами, а одною силою воли, и то, къ чему прежде онъ могъ приближаться съ великимъ трудомъ, медленно, черезъ большія пространства мѣста и времени, теперь онъ настигаетъ мгновенно, никакія вещественныя препятствія его уже не задерживаютъ. Теперь и про-

педшее ему видно, какъ настоящее, и будущее не такъ сокрыто, какъ прежде, и нѣтъ уже для него раздѣленія времени и мѣстъ: нѣтъ ни часовъ, ни дней, ни годовъ, ни вѣковъ, нѣтъ разстояній ни малыхъ, ни большихъ, все сливается въ одинъ моментъ—вѣчность, вѣчность никогда не оканчивающуюся, и всегда только еще начинающуюся; все соединяется въ одну точку зрѣнія, и эта точка не подлежитъ никакимъ измѣреніямъ. Что же онъ видитъ и чувствуетъ? Невыразимымъ ужасомъ поражаетъ его открывшаяся вѣчность; ея безпредѣльность поглощаетъ его ограниченное существо, всѣ его мысли и чувства теряются въ ея безконечности. Онъ видитъ предметы, для которыхъ у насъ нѣтъ ни образовъ, ни названія; слышитъ то, что на землѣ не можетъ быть изображено никакимъ голосомъ и звукомъ; его созерцанія и ощущенія не могутъ быть выражены у насъ ни на какомъ языкѣ и никакими словами. Онъ находитъ свѣтъ и мракъ, но не здѣшній; свѣтъ, передъ которымъ наше яркое солнце свѣтило бы менѣе, чѣмъ свѣча передъ солнцемъ; мракъ, передъ которымъ наша самая темная ночь была бы яснѣе дня. Онъ встрѣчаетъ тамъ и подобныя себѣ существа и узнаетъ въ нихъ людей также отшедшихъ изъ здѣшняго міра. Но какое измѣненіе: это уже не здѣшнія лица и не земныя тѣла; это однѣ души, вполне раскрывшіяся со всѣми ихъ внутренними свойствами, которыя и облекаютъ ихъ соотвѣтственными себѣ образами: по этимъ образамъ души узнаютъ другъ друга; а силою чувства узнаютъ тѣхъ, съ которыми сближались въ здѣшней жизни. Потомъ встрѣчаются духу существа также сродныя ему по естеству, но такія, которыхъ одно приближеніе даетъ ему чувствовать неизмѣримо высшую надъ нимъ силу ихъ. Одни изъ нихъ выходятъ изъ глубины безпредѣльнаго мрака, и все существо ихъ мракъ и зло; они мыслятъ, дѣйству-

ютъ, живутъ однимъ безконечнымъ зломъ; неизобразимыя страданія въ нихъ самихъ, и отъ нихъ другимъ скорбь и гибель, отличаютъ ихъ каждое движеніе и дѣйствіе. Но это еще въ низшихъ сферахъ духовнаго міра, ближайшихъ къ міру земному. А тамъ, далѣе, духъ видитъ безконечное море непостижимаго свѣта, изъ котораго выходятъ другія существа еще болѣе могучія; ихъ природа и жизнь—одно необъятное добро, неизобразимое совершенство, невыразимая любовь; неописанный свѣтъ наполняетъ все существо ихъ и сопровождаетъ каждое движеніе.

Итакъ въ этомъ чудномъ мірѣ, духъ человѣка, ничѣмъ не стѣсняемый и силою своей духовной природы, и неодолимою силой притяженія сроднаго ей міра, летитъ, летитъ все далѣе и далѣе, до того мѣста, или лучше сказать, до той степени, до какой могутъ достигать его духовныя силы, и весь поразительнымъ для него образомъ перерождается. Тотъ ли это духъ, который жилъ въ человѣкѣ на землѣ, духъ ограниченный и связанный плотію, едва замѣтный подъ массою тѣла, всецѣло ему элужащій и поработенный, такъ что безъ тѣла по видимому и жить и развиваться не могъ? Тотъ ли это духъ немощный, съ такимъ трудомъ развивавшій здѣсь и не широкія свои идеи, и не глубокія чувства, и не сильныя стремленія, такъ часто и легко падавшій подъ бременемъ чувственности и всѣхъ условій земной жизни? Тотъ ли наконецъ это духъ, въ которомъ и добро было большею частью только въ сѣмени, и зло скрывалось глубоко, такъ что онъ почти не сознавалъ самъ въ себѣ ни того, ни другаго, и такъ было въ немъ все не твердо и перемѣшно, что и добро побѣждалось зломъ, и во злѣ проглядывало иногда добро, и не рѣдко являлось одно подъ видомъ другаго? Теперь что съ нимъ стало? Теперь все и доброе и худое быстро съ неудержимою силой раскрывается; его мысли,

чувства, нравственный характер, страсти и стремленія воли, все это развивается въ необъятныхъ размѣрахъ; онъ самъ ихъ ни остановить, ни измѣнить, ни побѣдить не можетъ; безпредѣльность вѣчности увлекаетъ и ихъ до безконечности; его недостатки и слабости обращаются въ положительное зло; его зло дѣлается безконечнымъ, его скорби и духовныя болѣзни обращаются въ безпредѣльныя страданія. Представляете ли вы себѣ весь ужасъ такого состоянія? Твоя душа, теперь не добра, но еще подавляющая и скрывающая въ себѣ зло, тамъ явится злою до безконечности; твое худое чувство, здѣсь еще чѣмъ нибудь сдержанное, если ты не искоренишь его здѣсь, обратится тамъ въ бѣшенство; если ты здѣсь владѣешь собою, тамъ ты уже ничего не можешь съ собою сдѣлать: все въ тебѣ и съ тобою перейдетъ туда и разовьется въ безконечность. Чѣмъ ты тогда сдѣлаешься? Если ты здѣсь не хорошеешь, ты тамъ будешь темнымъ, злымъ духомъ. О, тогда ты самъ себя не узнаешь, или нѣтъ, ты тогда слишкомъ хорошо узнаешь себя и еще гораздо лучше, чѣмъ здѣсь. Помощи ни какой и ни откуда уже не будетъ, и понесетъ тебя твое зло собственнымъ своимъ тяготѣніемъ туда, гдѣ живетъ вѣчное, безконечное зло, въ сообщество темныхъ, злыхъ силъ. И на этомъ пути ты ни остановиться, ни возвратиться не можешь и во вѣки вѣковъ ты будешь страдать — чѣмъ? Бѣшенствомъ отъ твоего собственнаго зла, которое не подастъ тебѣ уже никакой надежды къ лучшему и не дастъ тебѣ покоя въ самомъ себѣ, и — отъ той злой среды, которая будетъ сильнѣе тебя, будетъ вѣчно окружать тебя и терзать тебя безъ конца.

Что же душа добра, что съ нею? И добро также раскроется во всей полнотѣ и силѣ; оно будетъ развиваться со всею свободою, которой здѣсь не имѣло, обнаружитъ все свое внут-

реннее достоинство, здѣсь большую частью сокрытое, неузнаваемое и неоцѣняемое; весь свой внутренній свѣтъ, здѣсь всячески затемняемый, все свое блаженство, здѣсь не постигаемое и подавляемое разнообразными скорбями жизни. И понесется эта душа, всей силою своего природнаго, нравственно развитаго и добродѣтельно возвышеннаго стремленія горѣ, въ высшія сферы того міра, туда, гдѣ въ безконечномъ свѣтѣ живетъ Источникъ или Первообразъ всякаго добра, въ сообщество свѣтлыхъ, чистѣйшихъ существъ и сама сдѣлается Ангеломъ, то есть такимъ же чистымъ, свѣтлымъ, блаженнымъ существомъ. Безпредѣльная любовь будетъ соединять ее съ Богомъ, съ Ангелами и подобными ей душами. Она будетъ уже во вѣки тверда въ своемъ добрѣ, и никакое зло, ни внутреннее, ни внѣшнее, не можетъ уже колебать ее, ни измѣнить ее, ни повредить ея блаженному состоянію. Но и не праздно будетъ душа жить и наслаждаться своимъ добромъ и блаженствомъ; она будетъ дѣйствовать: дѣйствовать своимъ уже ничѣмъ не затемняемымъ, не заблуждающимъ, а просвѣтленнымъ умомъ, въ созерцаніи и постиженіи таинъ, здѣсь неразгаданныхъ и неизвѣстныхъ, таинъ Бога, мірозданія, себя самой и вѣчной жизни; будетъ дѣйствовать всею силою уже ничѣмъ нестѣсняемыхъ и не повреждаемыхъ чувствъ сердца, въ развитіи своей новой, высшей жизни; будетъ дѣйствовать всею крѣпостью своихъ духовныхъ, ничѣмъ неудержимыхъ и неразвлекаемыхъ въ разныя стороны, стремленій воли, по пути указанномъ ей судомъ высшей Правды и Любви, къ цѣлямъ то опредѣленнымъ въ предвѣчныхъ идеяхъ царства Божія.

Что еще сказать вамъ? Я показалъ только переходъ чело-
вѣка въ вѣчность и, такъ сказать, общія основанія загробной

жизни. На всякіе дальнѣйшіе вопросы я долженъ отвѣчать: не спрашивайте. Кто изъ насъ настолько развитъ и возвышенъ духовною жизнію, чтобы стать въ непосредственное общеніе съ высшимъ, духовнымъ міромъ?. Вотъ и тѣ, которые по особеннымъ причинамъ являются изъ этого міра сюда, ничего не сообщаютъ намъ объ его тайнахъ, и тѣ, которые только на мгновеніе восхищены бывають отъ земли въ этотъ міръ, видятъ и слышатъ тамъ нѣчто, о чемъ когда сюда возвращаються говорятъ, что видѣнное и слышанное тамъ *не мѣтъ естъ чело-вѣку глаголаши*. Такъ неизобразима вѣчность, что налагаетъ печать безмолвія на всякій умъ и языкъ здѣшній. Прибавлю только, что и малое откровеніе вѣчности въ здѣшней жизни производитъ въ челоуѣкѣ мертвенное одѣпненіе всѣхъ чувствъ и органовъ тѣлесныхъ. Словомъ, чтобы понять вѣчность здѣсь, надобно челоуѣку умереть.

ВОЗРАСТЫ

ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

(Окончаніе.)

II) *Отроческій возрастъ*. Время его продолжается отъ періода перемѣны зубовъ до наступленія возмужалости, и обнимаетъ второе семилѣтіе жизни. Появленіе зубовъ, которые должны будутъ оставаться на всю жизнь, окончательное укрѣ-

леніе головного мозга и т. п.—указываютъ уже сами собою на то, что назначеніе этого возраста не въ томъ только, чтобъ готовиться къ будущему возрасту, но гораздо болѣе въ томъ, чтобъ преслѣдовать болѣе важныя цѣли жизни. Различіе пола, и чувства соединенныя съ этимъ, заявляютъ себя уже въ этотъ возрастъ и тѣмъ рѣшительнѣе обозначаются, чѣмъ болѣе приближается пора зрѣлости. Если дѣтскій возрастъ главнымъ образомъ содѣйствовалъ образованію тѣлесныхъ органовъ, за то теперь наступаетъ пора упражненія ихъ чрезъ частое употребленіе, и потому живая подвижность тѣла служитъ характеристической чертою отроческаго возраста. Движеніе членовъ—гибко, проворно, неумоимо, и только крѣпкій, около 10 часовъ продолжающійся ночной сонъ прерываетъ его. Возрастающая сила не удовлетворяется теперь ровной походкой, но требуетъ быстрого и непрерывнаго бѣганья. Сначала и дѣвочка любитъ быстрыя движенія, и безопасно предается бѣганью,—но позднѣе все это ограничивается скачками и танцами; между тѣмъ мальчикъ употребляетъ свою силу на болѣе трудныя движенія: перепрыгиванье, лазенье, борьбу и бросанье. Свободное употребленіе мускуловъ волею даетъ основу для ловкости, посредствомъ которой легко можно приобрѣсть умѣнье въ ремесленныхъ и музыкальныхъ занятіяхъ. Мальчикъ приобрѣтаетъ ловкость преимущественно тамъ, гдѣ требуется матеріальная сила мускуловъ и въ цѣломъ—менѣе поворотливъ, нежели дѣвочка, которая въ походкѣ, въ умѣнїи держать себя и во всѣхъ движеніяхъ гораздо свободнѣе и граціознѣе. Языкъ окончательно усвоится и начинаетъ часто смѣняться пѣніемъ. Это неугомонное движенье для степеннаго возраста кажется дикостью, но оно совершенно естественно этому возрасту,—и если иногда бываетъ нужно, для предупрежденія крайностей, удержи-

вать его, то ни въ какомъ случаѣ не должно мѣрить его степенью покоя и тишины, которыя, безъ сомнѣнія, болѣе приличны позднѣйшему возрасту. Съ теченіемъ времени — дѣвочка, которая въ началѣ этого возраста охотно раздѣляетъ игры мальчиковъ, — скоро начинаетъ инстинктивно чувствовать, что ея будущее назначеніе состоитъ въ покойныхъ занятіяхъ самаго ограниченного круга, но и для нее въ это время нужно частое и правильно — распределенное движеніе, потому что продолжительное сидѣнье, особенно за односторонней головной работой, располагаетъ къ болѣзнямъ, и тѣмъ вѣрнѣе, что женской природѣ менѣе всего прилично одностороннее напряженіе. Соответственно развитію и укрѣпленію тѣла въ этотъ возрастъ, — и въ духовной природѣ стремленіе къ самостоятельности выступаетъ гораздо яснѣе и сильнѣе. Между тѣмъ, какъ дитя вдали отъ взрослыхъ чувствуетъ себя въ слабомъ, беспомощномъ состояніи, мальчикъ избѣгаетъ близости старшихъ, и ищетъ общества съ сверстниками, среди коихъ онъ старается принять на себя тонъ совершенно — независимаго отъ взрослыхъ. Хотя къ реальнымъ цѣлямъ жизни мальчикъ направляется не по собственному побужденію, хотя и онъ движется еще въ свободной области игръ, но игры теперь обнаруживаютъ болѣе плана, важности и терпѣнья: начинаются онѣ обыкновенно забавою съ картонными кучерами и солдатами, потомъ переходятъ къ всадникамъ и повелѣвающимъ господамъ; все общество дѣтей соединяется для одной игры, принимаетъ опредѣленный распорядокъ, выступаетъ изъ тѣсной комнаты въ открытое поле; и въ перемѣнахъ игръ, возвращающихся довольно постоянно съ наступленіемъ каждаго новаго времени года, представляетъ чудную связь съ общимъ порядкомъ природы. Частыо стремленіе къ независимости само по себѣ, частыо интересъ защи-

тять собственный міръ игръ отъ соприкосновенія съ важностью старшихъ и отъ критики ихъ, дѣлають мальчика упрямымъ и скрытнымъ. При такомъ ходѣ развитія воспитатель можетъ не иначе пріобрѣсть довѣріе у воспитанниковъ, стоящихъ на этой ступени возраста, какъ если буйную живость ихъ не прямо стѣсняетъ, но руководить ею, предлагая въ высшей степени возбужденному стремленію къ дѣятельности нужный матеріаль. Не всегда удается пріучить прямо къ совершенной скромности и постоянству въ добрыхъ чувствованіяхъ: это такой возрастъ, въ который почувствованная, личная сила, должна быть противъ своей склонности сдержана воспитаніемъ въ твердыхъ, законныхъ правилахъ, и нужно вліяніе сильнаго авторитета, чтобъ пріучить ее къ повиновенію прежде, чѣмъ она сама начнетъ приказывать. Разсудокъ въ этотъ періодъ уже настолько созрѣлъ, что можетъ понять права закона, и утвердить въ себѣ требованіе его, какъ опредѣленныя основы, съ которыми онъ долженъ согласовать всю послѣдующую жизнь. Что касается до обученія, то въ этотъ возрастъ, когда общественныя различія дѣлаются уже очень замѣтны, — проводится различіе и между самими школами. Вначалѣ выборъ школы естественно опредѣляется назначеніемъ и состояніемъ родителей, и въ большинствѣ случаевъ воспитанники остаются вѣрными указанію своихъ родителей; — во всякомъ случаѣ самостоятельная склонность къ опредѣленному роду занятій въ это время еще не показывается; но къ концу отроческаго возраста будущее призваніе воспитанника дѣлается весьма примѣтно, и указываетъ опредѣленно на выборъ школы. Въ дѣломъ, — и въ этотъ возрастъ — преобладаетъ еще воспринимающее отношеніе къ преподаваемому; память легко усвоетъ и твердо удерживаетъ, и потому такіе предметы, какъ на примѣръ,

изученіе языковъ, усвоеніе историческихъ фактовъ, какъ нельзя больше приличествуютъ этому времени. Если это будетъ упущено изъ виду, и попытаются дозволить дѣтямъ построить то, что они должны усвоить просто, какъ данное, — тогда въ послѣдующіе годы трудно будетъ имъ приобрѣсть твердость и основательность въ этихъ занятіяхъ, поэтому въ отроческій возрастъ болѣе всего прилично усвоить все то, что можетъ быть полезно и нужно въ продолженіе всей жизни. Впрочемъ при господствующей воспримчивости этого возраста, обнаруживается и возрастающая самостоятельность души, именно въ томъ, что мальчикъ уже не въ такой степени, какъ прежде, во время дѣтства, зависимъ отъ всякихъ внѣшнихъ впечатлѣній: Хотя онъ по прежнему свободно принимаетъ участіе въ разныхъ предметахъ, показываетъ расположенность къ отдаленнымъ предметамъ, представляемымъ только посредствомъ воображенія; но, между тѣмъ, какъ въ прежнее время онъ тѣшился сказками, которыя игрою приключеній совершенно уносятъ изъ дѣйствительнаго міра, — теперь онъ спрашиваетъ: дѣйствительно ли происходило то необыкновенное, о которомъ ему рассказываютъ, или, по крайней мѣрѣ, возможно ли оно, — его фантазія слѣдуетъ за чудными приключеніями Робинзона, за героическими подвигами древности, но самую приличную матерію для своей любознательности онъ уже находитъ въ великихъ личностяхъ и историческихъ событіяхъ. Вообще связь отдѣльныхъ происшествій, въ которой болѣе всего мальчикъ имѣетъ потребность и которую способенъ понимать, есть связь времени и мѣста; не столько понимаетъ онъ отношенія причины и слѣдствія, сколько отношенія предшествующаго и послѣдующаго. Между тѣмъ духъ его на столько созрѣлъ и для отвлеченнаго, — что уже

можетъ слѣдить за понятіями чистыхъ измѣреній и усвоить простыя математическія доказательства. Если въ немъ рѣзко выдается стремленіе къ дознанію болѣе глубокихъ связей и принциповъ отдѣльныхъ явленій, это явный знакъ его расположенія къ ученымъ занятіямъ, которыя составятъ его будущее призваніе, и которыя могутъ найти удовлетвореніе только въ слѣдующіе періоды жизни. Но если воспитанникъ показываетъ свое расположеніе и наклонность только въ изученіи и употребленіи въ дѣло вещественныхъ предметовъ,—это знакъ, что собственно школьное образованіе для него оканчивается съ исходомъ этого возраста жизни. Тоже можно приложить и къ женскому полу: если дѣвочка обращаетъ больше вниманія на индивидуальное, нежели на общее, больше на отдѣльныя явленія, нежели на внутреннюю связь ихъ, въ такомъ случаѣ строго-научное образованіе для нея дѣлается излишнимъ. Она можетъ пріобрѣсть обширныя и серьезныя свѣдѣнія, но ни въ какомъ случаѣ ученый интересъ не можетъ дѣйствовать на нее такъ сильно, какъ на мужчину,—потому что ея призваніе совсѣмъ иного рода. Духовныя способности обоихъ половъ въ существенномъ не много разнятся, но ихъ направляютъ различные интересы;—едва ли есть что нибудь такое, чего бы не въ состояніи была понять дѣвочка наравнѣ съ мальчикомъ,—но есть много такихъ занятій, которыми интересоваться она никогда не привыкнетъ, самыя навыки какъ бы они давно не были усвоены, у женщины не такъ крѣпко удерживаются и сохраняются безъ измѣненій, какъ у мужчины.

III) *Юношескій возрастъ*. Онъ продолжается отъначала возмужалости до полнаго образованія инстинктовъ пола и совпадаетъ съ окончаніемъ физическаго роста въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Различіе между обоими полами, рѣзко выдающееся при наступле-

ни этого возраста, сначала побуждает избѣгать близкаго общенія, но чѣмъ болѣе приближается пора окончательнаго образованія тѣлеснаго организма, тѣмъ болѣе чувствуется невольное влеченіе другъ къ другу. Здѣсь при здоровомъ, правильномъ воспитаніи можно надѣяться, что духовные интересы возобладаютъ надъ чувственными стремленіями. Такъ какъ внутренняя неполнота, недостатокъ еще не сознаются ясно, и юноша не знаетъ, гдѣ именно онъ найдетъ то, что будетъ соответствовать его склонности, то отношенія между обоими полами обнаруживаются въ формахъ стыдливости и робости, которыя оберегаютъ естественныя побужденія отъ преждевременныхъ злоупотребленій. Вообще эта приготовительная пора къ супружескимъ отношеніямъ благопріятствуетъ тѣлесному составу увеличиться въ полнотѣ и силѣ, — ростъ, если онъ до сихъ поръ незначительно подвигаясь впередъ, поразительно — быстро поднимается. Но чтобы физическій избытокъ силъ не вызвалъ опасныхъ испытаній, то въ одно время съ нимъ и духовная природа выигрываетъ въ силѣ, зрѣлости и настроеніи. Подобно какъ чрезъ физическую способность къ произведенію потомства ясно выступаютъ отношенія индивидуума къ своему роду, такъ и въ духовномъ отношеніи этотъ возрастъ возвышается надъ эгоистическою ограниченностью. Мысли о чело-вѣчествѣ, народѣ и отечествѣ, о Богѣ и сверхчувственномъ мірѣ получаютъ значительное, опредѣляющее вліяніе на юношу и нерѣдко понимаются съ истиннымъ вдохновеніемъ. Если къ этому присоединить свѣжее раскрытіе тѣлесныхъ силъ, не стѣсненное еще односторонними цѣлями и проникнутое высшими законами духа, — то по всей справедливости можно назвать юношескій возрастъ возрастомъ красоты. Порывистое движеніе мыслей, волнующихъ душу, желаніе видѣть ви́шній міръ сооб-

разнымъ съ внутренними представленіями, увлекають юношу къ живой, неутомимой дѣятельности. Но, такъ какъ за недостаткомъ опытности, онъ неизбежно вступаетъ при этомъ въ столкновение съ дѣйствительностью, которую измѣнить не въ силахъ, — то онъ способенъ быстро переходить отъ однихъ предиріятій къ другимъ; — вмѣстѣ съ этимъ появляются — измѣнчивость и непостоянство склонностей, желаній и рѣшеній, по преимуществу свойственный этому возрасту. Впослѣдствіи — юноша стремится найти опредѣленную цѣль жизни, но если онъ центръ своего существованія поставляетъ не въ чувственной, а духовной природѣ, то цѣлью своей жизни признаетъ не то удовольствіе, которое доставляетъ ему свѣтскій міръ, а то, которое онъ самъ можетъ привнести этому міру — и въ этомъ чувствѣ возвышается до убѣжденія, основаннаго на собственномъ опытѣ, что отдавать гораздо лучше, нежели принимать. Удовольствіе, испытываемое юношею въ томъ случаѣ, когда тѣ, которыхъ онъ считаетъ представителями лучшаго человѣчества, признають за нимъ, что онъ поступаетъ такъ, какъ требуетъ законъ Божій, и общество, которому онъ принадлежитъ, — служить для него основою того благороднаго честолюбія, которое, если устоитъ среди всѣхъ эгоистическихъ искушеній, среди всѣхъ страстныхъ взрывовъ, гордыхъ, или ожесточенныхъ настроеній, то при педагогическомъ руководствѣ можетъ принести самую существенную пользу въ жизни. Если въ этомъ возрастѣ не удалось воспитаннику обратить свое самостоятельное, рѣшительное направленіе къ высшей жизни, или къ опредѣленнымъ важнымъ цѣлямъ, то одніе педагогическія мѣры не много могутъ сдѣлать въ этомъ случаѣ. Сначала, на границѣ между отрочествомъ и юностью, стремленіе къ самостоятельности, пока оно не нашло еще соотвѣтственнаго себѣ выраженія, показывается въ странной, иног-

да безчинной формѣ, — позднѣе — юноша дѣлается важнымъ и умѣреннымъ въ приемахъ, но въ тоже время, выстроивъ себѣ свой внутренній міръ, — легко становится скрытнымъ. Сама по себѣ скрытность не есть еще недостатокъ, — и совершенной откровенности нельзя даже требовать; потому что скрытность юности нерѣдко бываетъ началомъ самообладанія; но во всякомъ случаѣ она обнаруживаетъ, что сердце юноши уже далеко не такъ мягко, чтобы можно было оказывать на него такое вліяніе воспитателю, какъ въ прежніе годы. Такъ какъ прямое педагогическое дѣйствіе въ эту пору далеко отступаетъ назадъ, и такъ какъ воспитатель ограничивается теперь больше совѣтомъ, напоминаніемъ и предостереженіемъ въ отдѣльных случаяхъ, — то можно сказать, что, въ отличіе отъ дѣтскаго возраста, поведеніе воспитателя въ отношеніи къ воспитаннику въ это время становится по преимуществу отрицательнымъ. Положительнымъ оно бываетъ только въ томъ случаѣ, когда предписываетъ ему опредѣленные правила для дѣятельности, — но принудить къ исполненію ихъ педагогическими мѣрами не возможно, и самыя правила должны быть только высказаны въ формѣ значенія ихъ для души, или напоминанія, при будущихъ опытахъ жизни, подобнаго же рода. Если при дѣтскомъ возрастѣ имѣютъ главную силу охраняющія правила, которыя силятся удалить дитя отъ всего, что ему повредить можетъ, — то при обращеніи съ юношею имѣютъ больше значенія смѣлыя мѣры, которыя бы собственнымъ опытомъ, или ошибками, научили быть впередъ благоразумнымъ. Старое изреченіе *юность отважна*, — можетъ имѣть полезное употребленіе при воспитаніи этого возраста; отважность можетъ неудаться, — но если воспитанникъ провелъ свое дѣтство въ простой, честной, согрѣтой любовью и благочестіемъ семейной жизни, — то можно на-

дѣяться, что изъ самыхъ заблужденій онъ высвободится и снова поставитъ себя на прямой путь. Всѣ эти замѣчанія относятся только къ воспитанію тѣхъ юношей, которые предназначили себя къ высшему ученому призванію, или къ высшимъ техническимъ занятіямъ, и которые требуютъ продолженнаго, систематическаго, и болѣе обширнаго курса преподаванія. Тѣ изъ воспитанниковъ, которые избираютъ простыя, механическія занятія, съ наступленіемъ юношескаго возраста прямо принимаются за нихъ; дѣвица находитъ уже свое занятіе въ домашнихъ трудахъ, и чрезъ это самое, оба они въ высшей степени охранены отъ тѣхъ опасностей, которымъ подвержены юноши, продолжающіе свое воспитаніе при сильно—развитой самостоятельности. Методъ систематическаго преподаванія, приложенный по преимуществу къ этому возрасту, долженъ приближаться къ строго—научному характеру,—такъ какъ значительно—развитый разумъ юноши ищетъ внутренней связи и законовъ отдѣльныхъ явленій. Разница при употребленіи этого метода въ томъ, что для будущихъ техниковъ эмпирическій способъ мышленія долженъ преобладать надъ идеальнымъ, и подлѣ внутреннихъ основъ и связи цѣлаго должны имѣть большее значеніе отдѣльные внѣшніе факты,—между тѣмъ, какъ при образованіи юношей, посвятившихъ себя ученому въ тѣсномъ смыслѣ этого слова занятію, имѣеть мѣсто обратный случай. Но не нужно забывать при этомъ, что и юноша еще не созрѣлъ для полной духовной самостоятельности, и потому апріорическое построеніе, самостоятельное рѣшеніе ученой задачи еще не его дѣло,—гораздо болѣе ему нужно прежде всего своею воспринимающею дѣятельностью усвоить твердый, научный матеріалъ. Если дѣлается на оборотъ,—если пробуждаютъ безплодный интересъ къ созерцанію и теоретическимъ построені-

ямъ, прежде чѣмъ воспитанникъ приобрететъ достаточный матеріалъ для этого, если ставить задачи, которыя далеко возвышаются надъ кругомъ зрѣнія воспитанника, то легко можетъ случиться, что съ талантомъ, съ способностью и охотою учиться, учащіеся впадутъ въ легкомысліе и поверхностный образъ мышленія. Тѣ, которые закончили свое воспитаніе раньше юношескаго возраста могли бы легко продолжить прерванный порядокъ обученія въ воскресныхъ и вечернихъ школахъ, если бы на то была охота, и еслибы самыя школы были организованы для этой цѣли. Другое дѣло — дѣвица, — она принадлежитъ семейству, поэтому то, что она изучила, можетъ сдѣлаться навсегда ея собственностью только въ томъ случаѣ, если въ семействѣ найдетъ сочувствіе къ знанію, и общественныя отношенія будутъ благопріятно для нея расположены.

Мужескій возрастъ. Переходъ отъ юности къ мужеству не рѣзокъ. Вѣсь тѣла по прежнему продолжаетъ увеличиваться, грудь дѣлается крѣпче, мускулы привычнѣе повинуются волѣ; но чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ болѣе чувствуется, что энергія жизненныхъ процессовъ уже не прежняя, и слѣдовательно нельзя рисковать, какъ прежде, здоровьемъ, особенно, имѣя въ виду то, что многое еще нужно сдѣлать, многое только начато и собственная жизнь уже не одному лицу принадлежитъ, а семейству. Скоро начинаютъ оказываться боли то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, и многое изъ того, что прежде врачевалось одною силою жизни, теперь уже требуетъ сторонняго пособія. Въ психическомъ отношеніи этотъ возрастъ труднѣе другихъ поддается общей характеристикѣ; причина — въ томъ, что эта пора по преимуществу благопріятствуетъ полному раскрытію разнообразныхъ индивидуальныхъ характеровъ. Юноша болѣе способенъ откликаться на тѣ общія идеи, которыя всякую ду-

пу человѣка интересоваться могутъ,—но, стремясь осуществить на дѣлѣ свои внутреннія настроенія, наклоненъ къ неопредѣленному, переменчивому взгляду на вещи, и становясь лицомъ къ лицу предъ дѣйствительностью оказывается нерѣдко непрактичнымъ. Напротивъ въ мужескомъ возрастѣ, человѣкъ наджеленный житейскимъ опытомъ, начинаетъ постепенно сознавать, что его непосредственныя настроенія и личные взгляды недостаточны, что порядокъ общественный идетъ своимъ независимымъ ходомъ, и что полная самостоятельность каждой личности можетъ проявиться и найти полное удовлетвореніе только среди міра его окружающаго. Въ слѣдствіе этого онъ примыкаетъ къ практической дѣятельности, заботится о своихъ матеріальныхъ и духовныхъ нуждахъ и избираетъ опредѣленныя цѣли жизни. Съ перваго разу можетъ показаться, что сравнительно съ мужескимъ возрастомъ, заботящимся о своихъ частныхъ и временныхъ интересахъ, юношескій—гораздо благороднѣе и безкорыстнѣе. Но мужескій возрастъ поступаетъ гораздо разумнѣе; потому что все возвышенное и благородное не осуществляется однимъ человѣкомъ, но дробится между многоразличными личностями,—изъ которыхъ каждая своимъ образомъ содѣйствуетъ осуществленію его. Самое скромное положеніе въ обществѣ, если только оно по существу своему справедливо, нравственно и религіозно,—можетъ дать много простора для дѣятельности полезной, обширной и изобрѣтательной. Не смотря на всю законность и разумность такого переворота въ направленіи дѣятельности мужа,—на первыхъ порахъ онъ болѣзненно ощущается;—у нѣкоторыхъ лицъ это ощущеніе приходитъ позднѣе,—тогда оно сильнѣе поражаетъ душу; но есть такія слабыя натуры, которыя на всю жизнь не могутъ освободиться отъ него. При такомъ положеніи они

не хотѣть пожертвовать своими субъективными настроеніями, дѣлаются равнодушными ко всему окружающему и изъ вообща ражаемой неспособности къ практической дѣятельности приоб- рѣтають дѣйствительную неспособность къ труду. Какъ прои- сходитъ эта болѣзненная перемѣна, — и какъ она дѣйствуетъ на всю послѣдующую жизнь, — это показало на собственномъ опытѣ рѣдкій наблюдатель психическихъ перемѣнъ, подвергну- шійся самъ такого рода болѣзни, Лихтенберхъ и Геттингенскій профессоръ. Онъ былъ поставленъ въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ: имѣлъ многихъ почитателей, былъ любимъ въ обществѣ, самъ любилъ, окруженъ былъ друзьями; — читать и писать сдѣлалось для него такою же потребностью, какъ ѣсть и пить. При всемъ томъ — онъ подвергся мучительной душевной болѣзни — ипохондріи, — имъ овладѣла склонность видѣть во всемъ только худшее, изъ каждаго случая жизни извлекать ядъ для собственнаго употребленія и даже тѣлесное здоровье считать лишнимъ бременемъ; — боязнь не позволяла ему выйти за ворота дома, и каждый шумъ незнакомыхъ шаговъ, прибли- жавшихся къ порогу его жилища, заставлялъ его трепетать. Смерть въ такомъ положеніи казалась ему самымъ счастли- вымъ даромъ. Что же было причиною такого состоянія? Онъ имѣлъ много силъ для занятій, любилъ и занятія, — но ему не доставало правильнаго и достаточнаго употребленія силъ въ дѣло. «Величайшій недостатокъ моихъ занятій въ юности, го- ворить онъ, въ томъ, что я затѣялъ большой планъ для зданія. Слѣдствіемъ было то, что я никогда не могъ вывести верхняго этажа, — наконецъ принужденъ жить въ двухъ комнатахъ, кото- торыя кое — какъ отстроилъ, но не предупредилъ, чтобы ненасто- ная погода не дѣйствовала на меня сквозь дурную кровлю». Отсюда правило: ограничивай свои широкіе затѣи, ободрись

рѣшительнымъ выборомъ занятій, пока не ушло время. Въ настоящее время я смотрю на міръ, какъ на машину, которая только для того и существуетъ, чтобы заставить меня чувствовать свое страданіе и болѣзнь. Могу ли я преодолѣть такое состояніе? Мнѣ кажется, это значило бы требовать отъ меня чуда. — Безъ сомнѣнія это было бы чудомъ, когда уже дошло до того, что такое разстройство непрерывно возбуждало душу; но оно не было бы чудомъ тогда, когда законы душевнаго развитія еще благоприятствуютъ этой перемѣнѣ, — когда они бываютъ еще друзьями нашими, а не врагами, — это время далеко ушло отъ страдальца. Самая неблагоприятная пора для подобныхъ переворотовъ есть пора мужества; здѣсь то, что прежде было только склонностью, обращается въ застарѣлыя привычки, то, что было взрывомъ, дѣлается постоянною страстью, — но привычки и страсти не во власти человѣка находятся, а сами онѣ властвуютъ надъ человѣкомъ, но почему и называютъ ихъ нерѣдко второю природою. Есть много противоположныхъ примѣровъ, когда люди, пользуясь временемъ, съумѣли поставить себя въ самое благоприятное отношеніе къ вѣшнему міру. «Я не могу быть, подавленъ», говоритъ одинъ писатель (Bardt Geschichte v. S. Lebens?) никакимъ зломъ; пусть оно будетъ сколько можно велико и неожиданно; оно ничто иное, какъ ударъ, который на вѣскольکو минутъ поставляетъ меня въ раздумье. Но какъ скоро первое потрясеніе пройдетъ, моя фантазія ободряетъ меня; новсе положеніе представляетъ мнѣ выгодныя стороны, я скоро нахожу множество и малыхъ и большихъ выгодъ отъ наступившаго бѣдствія, — множество средствъ удалить, совратить, или по крайней мѣрѣ уменьшить зло. Въ это время появляется у меня множество плановъ замѣнить то, что было потеряно мною. Могу увѣрить, что я ни

отъ какого несчастія, со мною приключившагося, не плакалъ, хотя я и легко плачу при какихъ нибудь трогательныхъ сценахъ съ посторонними.»—Всего больше такое положеніе удается тѣмъ, которые, достигши полной зрѣлости,—многія изъ различныхъ цѣлей, къ которымъ стремились сознательно и безсознательно въ юности, оставляютъ въ сторонѣ, выбираютъ только не многія, и къ прочимъ остаются неприкосновенны, не потому что бы они подавили въ себѣ всѣ другія желанія, а потому что ставятъ своимъ желаніямъ достижимыя цѣли. Многіе дѣлаютъ этотъ выборъ инстинктивно, иногда располагаясь обстоятельствами, нуждой,—не многіе сознательно. Часто случается, что случайный выборъ совпадаетъ съ приобретенными склонностями;—но бываетъ и на оборотъ,—потому что все случайное не надежно. Самые счастливые мужскіе характеры слѣдуютъ выбору, узнавши предварительно, къ чему ихъ призваніе склоняетъ. Здѣсь больше всего оказываетъ благотѣльную помощь правильно веденное воспитаніе;—каждый возрастъ опирается на томъ, что получено прежде въ видѣ задатка,—и если этотъ задатокъ заявилъ себя и подтвержденъ вниманіемъ наблюдателей за воспитаніемъ,—то выборъ можетъ быть безошибоченъ; въ противномъ случаѣ и самыя важныя дѣла могутъ обратиться въ равнодушную ловкость, или бездушную привычку; тогда самый прогрессъ дальнѣйшаго душевнаго развитія, который для человѣка возможенъ на всѣхъ степеняхъ возраста, необходимо прекращается. Не много также значить, избравъ себѣ одну, или двѣ жизненныя цѣли, и оставаясь равнодушнымъ ко всѣмъ другимъ цѣлямъ, стремиться къ ней съ постоянной и неуклонной послѣдовательностью. «Душа человѣка, по выраженію одного писателя, подобна многострунному инструменту; не всѣ струны издають въ ней одиako—

сильный звукъ, и не всегда тоны имъ издаваемые сливаются въ чистый гармоническій аккордъ; кто перервалъ на немъ всѣ струны, кромѣ одной, тотъ избѣгнетъ диссонансовъ, потому еще не большая заслуга быть установившимся человѣкомъ исключительно на односторонней цѣди.»—Истинно-мужественный характеръ тотъ, который не держится исключительно одной формы и направленія человѣческихъ стремленій въ ущербъ всѣмъ прочимъ, не отдается безотчетно волненію чувствъ, случайному наплыву впечатлѣній,—но собираетъ ихъ, не спѣша, до энергическаго проявленія въ какомъ нибудь подвигѣ. Тамъ же, гдѣ нѣтъ случая практически обнаружить свою силу, подобная сила характера не тѣшитъ себя никакими пустыми волненіями, и не ищетъ случая выказаться, во что бы-то ни стало. Такое равновѣсіе душевныхъ силъ требуетъ значительной предварительной подготовки, и тѣмъ большую имѣетъ цѣнность, чѣмъ больше скрываетъ подъ собою силъ, дремлющихъ до времени, но въ то же время не утрачивающихъ своей крѣпости и напряженности.—

Старческій возрастъ. Всѣ возрасты имѣютъ едва замѣтные переходы отъ одного къ другому, такъ что невозможно опредѣлить съ точностью, гдѣ оканчивается предшествующій и начинается слѣдующій,—еще незамѣтнѣе различіе между концемъ мужескаго возраста и началомъ старости. Обыкновенно признаютъ, что съ 49-ти лѣтъ до 56-ти начинаютъ обнаруживаться признаки слабости, за тѣмъ до 63-хъ лѣтъ уже замѣтнѣе выступаютъ они,—далѣе слабость растетъ быстро,—и оканчивается смертю. Безъ сомнѣнія, эти промежутки времени не вездѣ въ точности выдерживаются: климатъ, образъ жизни, различіе занятій—ускоряютъ или замедляютъ приближеніе старости, смотря потому насколько эти условія благодѣтельно,

или вредно дѣйствуютъ на органическіе процессы. Со стороны физиологической — отличіе старческаго возраста въ томъ, что онъ не имѣетъ настолько жизненной силы, чтобы возстановлять равновѣсіе между утрачивающимися и возобновляющимися частями организма, даже съ большимъ трудомъ сохраняетъ то, что заготовлено въ ранніе годы. Большая часть отправленій слабѣетъ, — органы чувствъ постепенно притупляются, вѣсъ тѣла уменьшается противъ прежняго, постоянно замедляющееся кровообращеніе причиняетъ отвердѣніе и безжизненность тѣмъ частямъ, которыя болѣе отдалены отъ сердца, самыя ближайшія части къ сердцу заслонки его и стѣнки артерій окаменѣваютъ, — во многихъ мѣстахъ обнаруживается перевѣсъ неорганическихъ соединеній надъ органическими, кости пріобрѣтаютъ большее количество землянистыхъ частей; исчезаетъ весь жиръ, который не нуженъ для механизма процессовъ; отъ того кожа во многихъ мѣстахъ образуетъ морщины, и все тѣло значительно худѣетъ. Вслѣдствіе растроенной питательной дѣятельности развиваются: водяная болѣзнь, легочный катарръ, удущье и другія подобныя страданія. Нервная система такъ слаба, что нерѣдко малѣйшія потрясенія причиняютъ разстройство во всемъ организмѣ. Пламя жизни или постепенно гаснетъ, или исчезаетъ внезапно, непримѣтно, — и неожиданно. Въ психическомъ отношеніи этому возрасту усвояютъ самыя разнообразныя и нерѣдко противоположныя признаки: его называютъ спокойнымъ отъ страстей или — совсѣмъ напротивъ — рабомъ ихъ, особенно скуности, — многоопытнымъ, или напротивъ — слабоумнымъ, — умѣреннымъ, или прихотливымъ, умнымъ и болтливымъ, слабымъ, нерѣшительнымъ, или напротивъ упорнымъ, угрюмымъ, — или же разсѣяннымъ не полѣтамъ, — мудрымъ, или причудливымъ, скучаю-

щимъ жизнию, всегда недовольнымъ, особенно на тѣхъ, кто
предается удовольствіямъ, и медленнымъ какъ въ физическихъ,
такъ и нравственныхъ дѣйствіяхъ, — важнымъ, и почтеннымъ,
или гоняющимся отъ суетности міра, и мѣняющимъ у од-
ного и того же человѣка его вкусы, нравы и склонности,
отнимающимъ всё достоинства и оставляющимъ одни недо-
статки. Всѣ эти и другіе признаки, безъ сомнѣнія, схвачены
односторонне и случайно, — не многіе изъ нихъ постоянно со-
провождаютъ старческій возрастъ, но всѣ они дѣйствительно
встрѣчаются и въ этомъ возрастѣ, — и выражаютъ собою тотъ
законъ, что въ одномъ и томъ же человѣкѣ ничто не возни-
каетъ вдругъ, но готовится предшествующими годами, —
и что тотъ, кто въ прежніе годы былъ слабъ въ отношеніи
какихъ нибудь страстей и склонностей, тотъ въ старческомъ
возрастѣ, когда воля естественно теряетъ прежнюю энергію,
необходимо долженъ сдѣлаться еще слабѣе. Кромѣ того все,
что есть противурѣчающаго въ старческомъ возрастѣ легко раз-
рѣшается тѣмъ, что не на всѣхъ степеняхъ старость одинако-
ва. Въ этомъ отношеніи еще древній наблюдатель нравовъ
замѣтилъ, — что человѣкъ, достигши пожилыхъ лѣтъ, сначала
даже приобретаетъ нѣкоторыя преимущества, — по потомъ
чѣмъ далѣе идетъ отъ точки, на которой остановилось прираще-
ніе, — тѣмъ быстрѣе теряетъ. (Horatius). — Если справедливо,
что каждый дальнѣйшій возрастъ имѣетъ назначеніемъ сгла-
дить односторонности и уклоненія отъ прямого пути прежня-
го возраста, — то можно сказать, что на долю послѣдняго воз-
раста выпало назначеніе, — приобрести то равновѣсіе душев-
ныхъ силъ, котораго недостаетъ ни юношескому возрасту, ча-
сто увлекающемуся къ фантастической дѣятельности и мѣня-
ющему свои цѣли, — ни мужескому, который часто, ограничи-
вая свою дѣятельность односторонними цѣлями, остается не

чувствительнымъ въ другимъ важнымъ цѣлямъ. Мы всё ищемъ того душевнаго мира, который бы ничѣмъ безъ мѣры не возмущался. Но для этого нужно быть въ такомъ состояніи, чтобы надежда встрѣтить впереди что нибудь новое—значительно поубавилась, нужно переиспытать много чувствъ, узнать ихъ настоящую цѣну въ ряду истинно-человѣческихъ интересовъ, и отнять у нихъ прежнюю случайную, мимолетную силу, нужно изъ многихъ случаевъ научиться, какъ переменчивы дѣла житейскія, и какъ ошибочно придавать какому нибудь изъ нихъ безусловное значеніе.

Равновѣсіе душевныхъ силъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, можетъ принадлежать и другимъ возрастамъ, особенно при счастливой духовной организаціи, во всякомъ случаѣ оно неестественно для молодой души, которая должна еще развиваться, и приобрести опредѣленную форму своего образованія посредствомъ многообразныхъ житейскихъ потрясеній,—несвойственно оно и мужескому возрасту, который съ послѣдовательностію и упорствомъ гоняясь за житейскими выгодами, служиваетъ духовную жизнь.— Но оно весьма естественно въ старческомъ возрастѣ, который уже переступилъ за эти цѣли, не скоро раздражается внѣшними впечатлѣніями и глубже сосредоточивается въ своемъ внутреннемъ мірѣ. Живя преимущественно воспоминаніями прошедшаго и результатами своей опытности, старикъ легче другихъ забываетъ мелочи и случайныя сцѣпленія обстоятельствъ,—но тѣмъ съ большею расположенностію даетъ цѣну сверхчувственному и переноситъ свои мысли въ другую жизнь.—Безъ сомнѣнія, какъ нельзя сказать, чтобы всѣ эти черты принадлежали исключительно старости, такъ было бы явнымъ противурѣчіемъ истинѣ, прилагать ихъ ко всѣмъ старикамъ, и еще того несправедливѣе бы-

ло бы охарактеризовать старость одними этими свѣтлыми чертами: не у всѣхъ людей одинаково сложилась духовная жизнь, не у всѣхъ одинаковы природныя свойства,—и кто заблаговременно не укрѣпилъ своего ума до наступленія вечера своей жизни,—кто рано пріостановилъ свое духовное развитіе, или далъ ему превратный ходъ, ускоривъ преждевременно развитіе чувственныхъ требованій въ ущербъ духовнымъ,—для того старость, хотя и представляетъ въ большей, или меньшей степени, нѣчто похожее на состояніе покоя, какое замѣтно при равновѣсіи душевныхъ силъ, но подъ этой формой скрывается душевная пустота, равнодушіе ко всему, лѣнь къ мысли и всякому умственному труду, и если что остается неизмѣннымъ, такъ это механическій навыкъ въ совершеніи всѣхъ, даже самыхъ обыкновенныхъ повседневныхъ дѣлъ, повторяющихся по заведенному издавна порядку. Еще болѣе разрушительно дѣйствуетъ на душевное настроеніе въ старости ослабленіе тѣлесныхъ силъ въ это время. По наблюденіямъ естествоиспытателей головной мозгъ, ближайшій органъ умственной дѣятельности, въ 60 лѣтъ уже теряетъ способность вознаграждать утраченныя части новыми, свѣжими. Вслѣдствіе этого та изъ душевныхъ силъ, которая болѣе другихъ зависитъ отъ нормальнаго состоянія этого органа, — прежде всего отказывается служить старцу. Такихъ людей, какъ Гомеровъ Несторъ, который, вступивши въ третій вѣкъ человеческой жизни, могъ еще вести связанный разговоръ о многихъ приключеніяхъ испытанныхъ имъ, и давать разумные совѣты другимъ,—весьма немного. Большая часть людей въ старческомъ возрастѣ отражаютъ въ своихъ душевныхъ дѣйствіяхъ то постепенное разстройство, которому подвержены въ это время всѣ части тѣлеснаго организма, быстро идущаго къ своему разрушенію. Бываетъ,

что въ людяхъ счастливо развитыхъ умственно и нравственно память въ отношеніи къ тѣмъ впечатлѣніямъ и познаніямъ, которыя усвоены въ ранніе годы—вѣрно сберегается и умъ дѣлаетъ правильное употребленіе изъ ея запаса, но и у нихъ вниманіе къ новымъ настоящимъ впечатлѣніямъ притупляется, воля слабѣетъ, воображеніе часто смѣшиваетъ образы дѣйствительнаго съ небывалымъ, точно такъ какъ то случается во снѣ,— и чѣмъ болѣе обширенъ тотъ непрерывный рядъ образовъ, и представленій, которыя залегли въ душѣ отъ прежнихъ лѣтъ, и которыя въ это время возникаютъ и сплетаются,—тѣмъ труднѣе сосредоточить на чемъ нибудь одномъ вниманіе и составить ясное и отчетливое понятіе. *Мори* (Сонъ и Сновидѣнія) приводитъ два примѣра такихъ личностей, которыя могутъ наглядно подтвердить сказанное. Одинъ изъ стариковъ, плохо вооруженный умомъ противъ нападений времени, почти постоянно вращался въ узкомъ кругѣ воспоминаній, память его настолько ослабѣла, что ему достаточно было одного часа, или—много двухъ, чтобы забыть то, что онъ говорилъ, или дѣлалъ, она ему измѣняла даже въ той игрѣ, которою онъ занимался цѣлую жизнь и составляла предметъ самыхъ серьезныхъ его размышленій. Наконецъ онъ сталъ забывать и слова, и началъ смѣшивать въ своихъ любимыхъ анекдотахъ имена лицъ, къ которымъ его обычные посѣтители уже давно привыкли, и узнали о нихъ еще тогда, когда память старику еще не совершенно измѣняла. Братъ этого старика, еще старшій его годами, хотя обладалъ и болѣе сильнымъ умомъ, но все таки не могъ избѣжать послѣдствій дряхлости. Онъ много путешествовалъ, но еще болѣе читалъ путешествій,—и вотъ воспоминанія о прочитанномъ и собственныхъ приключеніяхъ до того смѣшались и перепутались у него, что дѣйствія другихъ онъ

съ совершенной важностью приписывалъ себѣ и съ совершенной увѣренностью ставилъ себя въ сопутники тѣмъ лицамъ, о которыхъ онъ только читалъ. Еще болѣе трогательно слышать, что подобные симптомы встрѣчались и съ людьми самыми глубокомысленными во время ихъ дряхлости, напр. съ Кантомъ. Всѣ эти факты даютъ ясное свидѣтельство, что дряхлость тѣлеснаго организма дѣйствуетъ съ непреодолимою силою на духовные процессы, но съ другой стороны это вліяніе только и ограничивается ослабленіемъ внутреннихъ душевныхъ процессовъ, — потому что ослабляя связь съ внѣшнимъ міромъ, оно только и можетъ ограничить или пріостановить возбужденіе душевной дѣятельности.

Что касается до самой глубины души, она остается невре-

димую.

НЕКРОЛОГЪ СВЯЩЕННИКЪ И ВЛАГОЧИННЫЙ

Тимоѳей Петровичъ Березкинъ.

9-го февраля текущаго 1869 года въ селѣ Бѣликѣ, сльнинскаго уѣзда, скончался отъ апоплексическаго удара, (а) на

(а) Настоящій ударъ, прекратившій дни О. Тимофея, былъ вторымъ ударомъ въ его жизни. Первому подвергся онъ въ прошедшемъ 1868 году, почти въ это же самое время. Пораженный параличемъ, О. Тимоѳей долженъ былъ тогда отправиться, для поправленія своего разстроеннаго здоровья, въ здѣшнее Смоленское Богоугодное заведеніе; попеченіе и искусство мѣстныхъ врачей значи-

53 году жизни, священникъ и благочинный, Тимоѣей Петровичъ Березкинъ.—Родился онъ въ селѣ Лучесѣ, ельнинскаго же уѣзда, отъ тамошняго причетника Петра Березкина. Поступивъ въ смоленскую духовную семинарію въ 1837 г., Тимоѣей Петровичъ постоянно считался однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ заведенія—и по своимъ успѣхамъ въ наукахъ, и по своему благонравію. Къ числу любимыхъ имъ предметовъ принадлежали, между прочимъ, науки математическія. Начальство семинаріи вполнѣ цѣнило поведеніе и успѣхи Березкина, и онъ въ продолженіе всего семинарскаго курса состоялъ на полномъ казенномъ содержаніи. (6) По окончаніи курса богословскихъ наукъ въ 1843 году со степенью студента семинаріи, Тимоѣей Петровичъ, какъ человекъ дѣльный, не долго оставался безъ серьезнаго занятія. 14-го сентября того же года онъ уже былъ рукоположенъ во священника Преосвященнымъ Тимоѣемъ; епископомъ смоленскимъ и дорогобужскимъ. Съ поступленіемъ на должность священника, для свѣтлаго ума и чистой души о. Тимоѣея открылось самое обширное поприще дѣятельности. По указаніямъ Божественнаго Промысла, о. Тимоѣею суждено было проходить свою священническую должность въ трехъ приходахъ, и онъ всдѣ умѣлъ спискать къ

тально облегчили состояніе больнаго, но слѣды паралича все-таки не изгладились совершенно; они особенно отозвались на его лицѣ и зрѣніи.

(6) О семинарской жизни Т. П. Березкина, о его трудолюбіи и особенной способности къ Математикѣ, а также о его добрыхъ отношеніяхъ къ товарищамъ съ душевною теплотою передавалъ намъ одинъ изъ бывшихъ его товарищей по училищу и Семинаріи В. Н. К.

себѣ полную любовь и непритворную преданность своихъ прихожанъ;—вездѣ и всегда находилъ для себя занятія вполне приличныя сану священника.

Въ селѣ Несоновѣ ельнинскаго уѣзда отецъ Тимоеевъ пробылъ около 5 лѣтъ. Хорошая жизнь и пастырская дѣятельность его уже съ самыхъ первыхъ поръ поступления на приходъ стали привлекать къ нему расположеніе не только прихожанъ мѣстныхъ, но и постороннихъ. И вотъ 1 мая 1848 г., вслѣдствіе просьбы прихожанъ села Егорья, смоленскаго уѣзда, о Тимоеевѣ Березкинѣ Пресвященнымъ Тимоеемъ былъ перемѣщенъ въ ихъ село, какъ лучшее въ сравненіи съ Несоновскимъ. Съ этого особенно времени и начинается примѣрно дѣятельная служба о. Тимоеева. Не проходило почти ни одного года, чтобы о. Тимоеевъ не сдѣлалъ чего—нибудь полезнаго, и тѣмъ же не зарекомендовалъ себя предъ начальствомъ. 1849 года 25 іюня о. Тимоеевъ епархіальнымъ начальствомъ назначенъ депутатомъ, и въ томъ же году объявлено ему Архипастырское благословеніе и благодарность, за представленныя имъ собственнаго сочиненія 15 проповѣдей. Заботясь о распространеніи между своими прихожанами грамотности, о. Тимоеевъ 1850 г. въ селѣ Егорьѣ открылъ училище для дѣтей,—и за такую его ревность Пресвященнымъ Тимоеемъ снова преподано ему Архипастырское благословеніе и благодарность. Затѣмъ, въ томъ же 1850 году 24 ноября, о. Тимоеевъ, за ревностное прохожденіе, при отличномъ поведеніи, возложенныхъ на него должностей священника и депутата, награжденъ набедренникомъ. 1853 года 25 сентября о. Тимоеевъ Березкинъ, по усмотрѣнію пресвященнѣйшаго Тимоеева, перемѣщенъ на послѣднее уже мѣсто его служенія—въ село Бѣликъ, съ возложеніемъ на него должности благочиннаго и сотрудника какъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія,

такъ и училища духовныхъ дѣвиць. 1854 года, при указѣ смоленской духовной консисторіи, за дѣятельное попеченіе о мѣстномъ приходскомъ храмѣ, объявлена ему признательность епархіальнаго начальства. 1855 года объявлено ему за отлич-но-усердную и полезную службу благословеніе святѣйшаго Синода. 1857 года объявлены ему, при указѣ консисторіи отъ 26 апрѣля, искренняя признательность и благодарность епархіальнаго начальства, за проповѣданіе слова Божія съ особенное похвальнымъ усердіемъ. 1858 года, за усердно-ревностно прохожденіе возложенныхъ на него должностей, при отлично хорошемъ поведеніи, Всемило стивѣйше награжденъ бархатною фіолетовою скуфьею, — и въ томъ же году, указомъ Смоленской Консисторіи отъ 3 Сентября, объявлено ему Архипастырское благословеніе за устроенное имъ училище для крестьянскихъ дѣтей при Бѣдиковской церкви. 1859 года, при указѣ Консисторіи отъ 18 Іюня, объявлено ему Архипастырское благословеніе и благодарность за усердные и значительные денежные сборы въ пользу училища дѣвиць духовнаго званія. 1861 года, указомъ Консисторіи отъ 18 августа, объявлено ему Архипасторское благословеніе за дѣятельность въ отношеніи къ сельскимъ училищамъ, находящимся въ его благочинническомъ округѣ. 1862 года 30 ноября преподано ему Архипастырское благословеніе за усердное распространеніе грамотности. 1863 года 13 августа отъ лица Преосвященнѣйшаго Антонія преподано ему благословеніе Божіе и объявлена Архипастырская благодарность, и отъ Совѣта училища дѣвиць духовнаго званія признательность за постоянное усердіе къ училищу, выражаемое имъ въ значительныхъ ежегодныхъ сборахъ на содержаніе сего заведенія.

Въ 1866 году по новому распоряженію Епархіальнаго Начальства, церковнымъ причтамъ разрѣшено было избрать для себя окружныхъ благочинныхъ по баллотировкѣ. Баллотировкѣ долженъ былъ подвергнуться и О. Тимоеей. Опытъ выборовъ показалъ, что распоряженіе и довѣріе къ О. Тимоеею были всеобщія; при выборѣ благочиннаго ему не было положено ни одного чернаго шара, — и такимъ образомъ новое свободное избраніе его на должность благочиннаго оказалось вполнѣ единодушнымъ. (а) Вторичное утвержденіе его въ должности благочиннаго послѣдовало 18 мая. Въ 1867 году 3 февраля Отець Тимоеей за свою усердную и полезную благочинническую службу, проходимую имъ болѣе 12 лѣтъ, по ходатайству епархіальнаго начальства, Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Анны 3 степени.

Представленный обзоръ трудовъ О. Тимоеея, достойно цѣнимыхъ его начальствомъ, не говоритъ ли о томъ, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ избранныхъ лицъ, которыя, отъ самой ранней юности и до зрѣлаго мужества, стараются направлять всѣ дарованныя имъ отъ Творца, Силы на благо собственное, пользу ближнихъ и на прославленіе Божественнаго имени? И нужно ли послѣ этого говорить, что внезапная и, можно сказать, преждевременная смерть его, сильно, безъ сомнѣнія, поразившая все его семейство, его прихожанъ

(а) Кому не извѣстно, что первые опыты выборовъ почти всегда и вездѣ бываютъ очень своеобразны и строгы, — хотя бы эти крайности сопровождалась иногда и вредомъ для самыхъ же избирателей.

Но, вѣрно, О. Тимоеей, по своимъ личнымъ достоинствамъ, стоялъ такъ высоко въ мнѣніи подчиненныхъ, что изъ нихъ не рѣшился ни одинъ посягнуть на его честь.

и всѣхъ его знакомыхъ, въ состояніи возбудить скорбь и искреннее сожалѣніе о почившемъ у людей даже и вовсе ему не знакомыхъ?

Наконецъ къ чести покойнаго нужно связать и то, что онъ, при всѣхъ своихъ усердныхъ запятіяхъ: по приходу, по церкви, по мѣстному училищу, (а) по управленію благочивіемъ и по другимъ, возложеннымъ на него, обязанностямъ, (б) всегда умѣлъ находить время и для занятій жизни домашней. О довольствѣ и порядкѣ въ его хозяйствѣ, о приличіи и внѣшнемъ благоустройствѣ его дома, а также о его радушномъ гостепріимствѣ и о его обходительности и пріятной бесѣдѣ будутъ долго вспоминать, съ самою не поддѣльною любовію, всѣ знавшіе Отца Тимоѣя и имѣвшіе случай бывать въ его домѣ. При добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей и вмѣстѣ при своемъ радушіи ко всѣмъ, онъ не могъ составить, во время своей службы, такого состоянія, которое могло бы обезпечить его большое осиротѣвшее семейство. Послѣ смерти остались у него: ж е н а его, четыре с ы н а и двѣ д о ч е р и дѣвицы. Для обезпеченія сиротъ, священническое мѣсто Покойнаго О. Тимоѣя, конечно, по существовавшимъ прежде порядкамъ было бы зачислено за его старшею дочерью, но въ настоящее время этого уже ожидать нельзя, — и безъ сомнѣнія попечительность Епархіальнаго Начальства, въ воздаяніе за постоянно дѣятельную и усердную

(а) О. Тимоѣей до самаго конца своей жизни состоялъ преподавателемъ Закона Божія въ устроенномъ имъ Бѣлковскомъ училищѣ.

(б) Кромѣ должности благочиннаго, на О. Тимоѣя лежала еще должность и сотрудника по попечительству о бѣдныхъ духовнаго званія и училищу духовныхъ дѣвицъ.

службу О. Тимофея, пайдетъ какой-либо другой способъ къ
возможному обезпеченію его осиротѣвшаго семейства.

Отпѣваніе тѣла покойнаго Отца Тимофея совершено 12
февраля, при многочисленномъ стеченіи духовенства (а) и
народа

Миръ праху твоему и вѣчное блаженство доброй душѣ
твоей, ревностный пастырь Церкви, попечительный отецъ и
благоразумный начальник!

И. С.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ Синодальныхъ книжныхъ лавкахъ къ наступаю-
щему Великому посту поступили въ продажу книги:

(Продолженіе).

II.

КНИГИ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ.

А. На Славянскомъ языкѣ, въ 8 и 16 долю листа:

Вѣсь.

Р. К. Ф.

26	Св. Евангеліе, на веленовой бумагѣ, съ хро- молиотографированными изображеніями Св. Еван- гелистовъ, въ бумаг	4	65	3
27	Св. Евангеліе, на обыкновен. бѣлой бумагѣ, безъ рисун., въ бумаг. пер.	—	17	1

(а) Однихъ священниковъ присутствовало при погребеніи 11 че-
ловѣкъ.

Всѣхъ.

28 Апостоли, на веленовой бумагѣ съ хромо-
 литографированными изображеніями Апостоловъ, по
 тѣмъ же самымъ цѣнамъ, по которымъ продает-
 ся упоминаемое выше Евангеліе (№ 26).

29 Библия на Славянскомъ языкѣ:

а) въ 4 долю	3	80	7
и б) въ 8 долю на бѣл. бум.	2	35	5

30 1-я часть Библии въ русскомъ переводѣ, (кни-
 ги Ветхаго Завета:

на шлен, бум. въ бумажкѣ. . . — 60 1

31 Новый Заветъ:

а) въ пер. бум.	—	65	1
кож.	1	20	1

Въ 32 долю листа:

32 Новый Заветъ:

а) на обыкновенной бумагѣ: въ печат. обер.	—	16	1
въ папкѣ съ цвѣт. бум.	—	30	1

33 Также книга вмѣстѣ съ Псалтырю:

а) на обыкновенной бумагѣ: въ папкѣ съ цвѣт. бум.	—	35	1
--	---	----	---

и б) на веленовой бумагѣ:

въ коленкорѣ съ золот. обр. съ бум. футл. . . 1 — 1

34 Псалтырь:

а) на обыкновенной бумагѣ: въ печ. обер.	—	7	1
и б) на веленовой бумагѣ: въ печат. обер.	—	12	1

(Продолженіе будетъ).